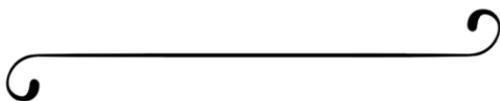

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и происшествия либо являются плодом воображения автора, либо используются в вымышленном ключе. Любое сходство с реальными людьми, ныне живущими или умершими, с учреждениями, событиями или местами является чисто случайным.

1

Упершись ногами и руками в раскаленный песок под таким же раскаленным солнцем, я застыла в неловкой позе прижавшейся к земле собаки в ожидании рева Рога Неиспытанных. С трудом сглотнув, я постаралась не думать, что будет, если я провалю последнее испытание после стольких лет выматывающих, жестоких тренировок.

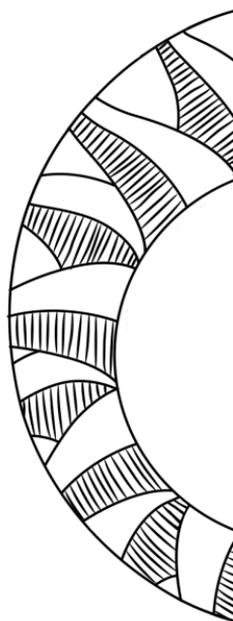
Этот момент был кульминацией прошедших восьми лет: справься или умри.

Хватит ли у меня сил, чтобы стать одной из фейри Благого двора, или я буду изгнана вместе со своими слабейшими сородичами?

— Нахрен, — прошептала я, чувствуя, как желчь подступает ко рту.

— Поза у тебя для такого в самый раз, — пробормотал слева от меня Рябинник, другой ученик.

Зарывшись ногами и руками в песок в такой же позе, он быстро улыбнулся, но я видела красноречивые напряженные морщинки возле его глаз и рта.

Те, кто сюда добрались, знали, чем грозит неудача. Те из нас, в ком была примесь людской крови, знали это еще лучше. А дворняги вроде меня — наполовину люди, наполовину фейри — знали лучше всех. Наверное, пора пожалеть, что я родилась на свет?

Не ответив улыбкой на улыбку Рябинника, я опустила голову и посмотрела на песок между пальцами. Эта поза причиняла скорее умственную боль, чем физическую, и все это было испытанием.

По лицу стекал пот. Боль в плечах превратилась в жгучую пульсацию. Коса, удерживающая мои густые темные волосы, расплеталась все больше, выбившиеся пряди прилипли к шее и щекам. Я старалась дышать ровно, минуты текли мучительно медленно, а боль и желание сменить позу возросли втрое.

Кто-то в конце вереницы всхлипнул, и я догадалась, кто именно. Папоротник. Она не была создана для таких испытаний, но ей, как и всем нам, не оставалось ничего другого, кроме как тренироваться и молиться, чтобы ее не выгнали.

На обучение отправляли немногих женщин. Каждый год рождалось очень мало фейри-девочек, поэтому их холили, лелеяли и берегли... Если не считать тех, кого по веской причине надеялись изгнать, лишив права жить в мире фейри. Ради такой девочки никто из правителей и пальцем не шевельнет, если она не способна к продолжению рода.

У нас, ублюдков и сирот, не было семей, которые поддерживали бы нас и ободряли во время обучения. Здесь, в Андерхилле, у нас не было никого, кроме друг друга, как бы пугающе это ни звучало, а поскольку многие из нас росли в одном приюте, нас связывало многолетнее знакомство.

— Держись, Папоротник! — проорала я. — Не смей сдаваться. Мы только начали!

В ответ она снова всхлипнула, и несколько других из двадцати четырех учеников застонали в знак согласия.

Вдалеке раздался долгий низкий вой. Он нарастал и нарастал, пока не перекрыл звуки тяжелого дыхания вокруг и не превратился в громовой рев Рога Неиспытанных.

В тот же миг я распрямилась и вместе с остальными бросилась вперед.

Мы бежали что было сил, разбрасывая во все стороны песок, а в голове у меня звучал резкий голос тренера: *«Как только услышишь сигнал, беги. Рог не только разрешает тебе двигаться, он еще и направливает на тебя зверей Ангерхилла»*.

«Звери» было слишком мягким и совершенно неточным определением...

— Монстр слева! — прокричал Рябинник.

Наша группа слаженно разделилась, чтобы встретить первое препятствие. Самозванный командир нашего отряда, Тысячелистник, возглавил правую часть, я — левую. Рябинник и Папоротник бежали сразу за мной.

Нам нужно было собрать по пути спрятанные монеты, но, конечно, нас ждали не только монеты, но и монстры. Самый интересный вопрос: каких зверей для нас приготовили сегодня?

Впервые хорошенько разглядев монстра, я подумала: «Проклятье!»

— Дракон! — завопила Папоротник.

Ее вопль становился все тише — она убегала.

Твою ж мать!

«Пока, Папоротник».

Свернув влево, я заставила себя забыть о ее бегстве. Я не осмеливалась отвести глаза от «маленькой» проблемы, внезапно нависшей над нами.

То был не просто дракон, а *трехголовый* дракон. По моему скромному разумению, это на две головы больше, чем нужно. Языки пламени вырывались из каждой пасти огромными клубящимися сгустками. Сплошь покрытый черной чешуей, монстр казался ненастоящим — как будто кто-то вырезал его из фильма ужасов, которые нравятся людям. В приюте нам разрешали смотреть такие фильмы в пятницу вечером в качестве поощрения. Если мы себя хорошо вели.

Перебирая лапами, растопыренными под странными углами, дракон неуклюже приближался к нам.

Медленный.

Туповатый.

Неустойчивый.

— Оружие! — заорал Тысячелистник.

Я сняла с плеча лук, одним плавным движением извлекла из колчана стрелу и, вскинув лук, глядя мимо оперения, прицелилась.

Средняя голова дракона почти нерешительно качнулась влево, потом вправо. Я сосредоточилась на бешено вращающемся глазном яблоке и пустила стрелу. Хлюпающий звук, с которым острый наконечник вонзился в намеченную цель, потерялся в смешении других звуков и все-таки эхом отдался в ушах.

Средняя голова дракона поникла, как увядший цветок, но монстр все равно приближался; остальные две башки даже не взглянули на поверженную голову между ними.

Я нахмурилась.

Значит, тварь это не беспокоило? Она даже не отреагировала на боль, когда ей проткнули глаз.

Мимо меня полетели стрелы и копья, некоторые вонзились в лапы дракона и его зазубренный хвост, многие не попали в цель, и я подавила вздох.

Не секрет, что фейри, даже дворняги, дерьмово сражаются чем-либо, кроме магии. А теперь угадайте, какое правило нас заставили соблюдать перед последним испытанием, где мы могли себя проявить? Угадали — никакой атакующей магии.

Что ж, меня это вполне устраивало, поскольку мою магию... ну... вряд ли можно было назвать перво-классной.

Я наложила на тетиву вторую стрелу и прицелилась в левую голову.

— Поторопись, Каллик! — прорычал Тысячелистник.

Алли. Я предпочитала, чтобы меня называли Алли, и он распрекрасно это знал.

— Помощь приветствуется, — пробормотала я, но ухмыльнулась, когда и третья стрела попала в цель.

Теперь у нас имелся целый букет увядших чудовищных цветов — если можно так выразиться.

Драконьи головы с глухим стуком упали на землю. Судя по всему, они издохли. Но тело продолжало двигаться по горячему песку, пошатываясь, волоча за собой головы.

ТЬфу, пакость. Хотя это и не самое худшее, что я видела за последние восемь лет. И уж точно не самое худшее, что я пережила.

Я внимательно рассматривала тварь. Похоже, мозг не был связан с остальными частями тела дракона. Существо было одновременно и живым, и нет.

Странно зачарованная, я опустила лук и стрелы, наблюдая за необычным зрелищем.

— Соберите монеты!

Гулкий голос Тысячелистника заставил меня вздрогнуть.

Я зачерпнула из ближайших деревьев зеленую энергию и, подпитав ею свою магию цвета индиго, обернула ею горло, чтобы усилить голос.

— Монеты! — прокричала я с увеличенной волшебством громкостью своей половине группы. — Найдите монеты!

Рябинник хлопнул меня по плечу.

— Неужели Тысячелистник только что умудрился отдать приказ раньше тебя?

Да. И мне будут напоминать об этом до гребаного конца.

Тысячелистник, бастард Золотого Дома (который был лишь на одну ступень ниже Королевского Дома), решил стать моим проклятием почти сразу, как я поступила сюда. Если я думала о Тысячелистнике слишком долго, я до сих пор чувствовала, как его гнусные руки шарят по мне, когда он хватает меня за одежду.

Я содрогнулась.

«Нет, не надо об этом».

Две половины нашей группы окружили монстра.

Раздался взволнованный крик, и мгновение спустя я заметила искомое сокровище: за пошатывающимся драконом виднелся окованный железом деревянный сундук.

Рябинник добрался до сундука первым и, осторожно держась за деревянный край, чтобы не касаться железа, открыл крышку. Когда он наклонился, чтобы заглянуть внутрь, на его темно-каштановых волосах заиграли блики, придав им приятный медный оттенок. Нет, свет отражался вовсе не в его волосах.

Он поднял глаза, медные отблески теперь играли на его лице.

— Дерьмо. Здесь не хватает монет. — Взгляд Рябинника заметался. — Их тут двадцать от силы.

Значит, это не «соберите заветные монеты всей командой». Это «урви монетку, иначе вылетишь вперед задницей».

Рябинник кинул мне одну монету, еще одну положил в карман и отступил, позволив другим толкаться и бороться за то, что осталось от клада.

Тысячелистник плечом проложил себе путь вперед. Засранец.

Рябинник похлопал меня по плечу. Мы вместе учились в приюте и, хотя не были близкими друзьями, знали друг друга много лет.

— Надо идти. Думаю, с этого момента...

Я кивнула, опуская монету в мешочек на бедре.

— Следующее испытание, наверное, будет похожим. Монет станет еще меньше, учеников вылетит еще больше.

Игра изменилась.

Бросившись бежать рядом с Рябинником, я опустила лук, но продолжала крепко сжимать его в левой руке, а две стрелы — в правой. Лучше держать оружие наготове в ожидании, когда появятся новые твари.

Мы помчались вниз с песчаной дюны, и тут я увидела Папоротник: она сидела, съежившись, ее плечи тряслись. Я засунула стрелы за пояс, подбежала к ней и схватила за руку.

— Встань и возьми себя в руки, Папоротник. Может, нам удастся помочь тебе раздобыть следующую монету.

Она мотнула головой; ее длинные светлые волосы были распущены и уже все спутались.

— Хорошо?

Рябинник возвел к небу ярко-зеленые глаза, но промолчал, и я тоже ничего больше не сказала.

Мы не могли оставить ее здесь. Андерхилл — прародина фейри — опасен даже для тех, кто готов принять его непредсказуемые выкрутасы. Эта часть королевства особенно изменчива в течение нескольких часов после того, как протрубит Рог Неиспытанных. К тому же Папоротник не виновата (я крепче сжала ее запястье), что ей достался дерьмовый тренер. Нам с Рябинником повезло — мы урвали Бреса. Да, он был старым пердуном, но и лучшим наставником юных фейри.

Мы снова пустились бегом, песок шевелился у нас под ногами, превращаясь из обжигающего и текущего в холодный, влажный и тяжелый.

И тут перед нами предстал настоящий океан, простиравшийся вдаль, насколько хватало глаз. Я замедлила шаги, когда справа обрушилась волна, накатила на совершенно новый берег.

«Андерхилл снова наносит удар».

И этот удар поразил меня в самое больное место.

С бешено колотящимся сердцем я рассматривала беспокойную водную гладь, пытаюсь сохранить бесстрастное выражение лица. Лишь бы никто не заметил панического страха, норовящего вцепиться мне в горло, когда во мне зашевелились старые воспоминания.

«Холодная вода, вода была такой холодной, что я не могла дышать...»

Нет, нет! Нельзя позволить прошлому украсть мое будущее!

— Брес сказал, что нас ждут три главных испытания. Испытание нашего оружия. Испытание нашей храбрости. И испытание нашего разума, — донесся до

меня голос Рябинника. — Как думаешь, которое это из них?

Мы преодолели первое препятствие с помощью оружия — по крайней мере, так я думала.

Когда волны успокоились и океан затих, я выдохнула воздух, который задержала в груди.

— Испытание храбрости.

Папоротник обхватила себя руками.

— Почему? Это же просто вода. Возможно, нам предстоит испытание разума. Труднее надолго задерживать дыхание, когда тебе угрожает опасность.

«Неужто, черт возьми?»

Дворнягам, которым приходится бороться со своими человеческими инстинктами, велящими сделать вдох, нелегко совершить такой подвиг. Но еще сложнее тем, кто испытывает цепенящий страх перед водой.

Я сжала кулаки, приготовившись к тому, что должно произойти. Задрала подбородок и посмотрела на воду.

В воздухе, вращаясь, мелькнуло что-то серебристое, устремилось вниз и исчезло в волнах.

— Видели? — прохрипела я и скорее почувствовала, чем увидела кивок Рябинника.

— Серебряная монета, — проворчал он.

Только такого подтверждения я и ждала.

Лучше побыстрее покончить с этим делом. Не дав себе времени передумать, я бросила оружие на мокрый песок и разделась.

Рябинник без колебаний последовал моему примеру, Папоротник разделась после короткой заминки.

— Ты хорошо плаваешь? — спросил ее Рябинник.

Папоротник опустила голову.

— Да.